

Сарчин Рамиль Шавкетович

СТИХОТВОРЕНИЯ О ЛЮБВИ И ЖАНР ЭПИТАФИИ В ЛИРИКЕ ФАТИХА КАРИМА 1930-Х ГОДОВ

Статья посвящена исследованию стихотворений о любви и стихотворений-эпитафий в лирике Фатиха Карима 1930-х годов. Произведения автора, посвященные темам любви и смерти, составляют одну из самых лиричных страниц его поэзии 1930-х годов. С ними, как и со стихотворениями о детях и для детей, связаны наиболее зрелые творческие достижения этих лет, отражающие не только художественно-эстетические искания творца, но и его самые сокровенные мысли и переживания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 147-149. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.0

Филологические науки

Статья посвящена исследованию стихотворений о любви и стихотворений-эпитафий в лирике Фатиха Карима 1930-х годов. Произведения автора, посвящённые темам любви и смерти, составляют одну из самых лиричных страниц его поэзии 1930-х годов. С ними, как и со стихотворениями о детях и для детей, связаны наиболее зрелые творческие достижения этих лет, отражающие не только художественно-эстетические искания творца, но и его самые сокровенные мысли и переживания.

Ключевые слова и фразы: татарская поэзия; лирика; лиризм поэзии; творческая индивидуальность; любовная лирика; эпитафия.

Сарчин Рамиль Шавкетович, к. филол. н.

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань

rsarchin@yandex.ru

СТИХОТВОРЕНИЯ О ЛЮБВИ И ЖАНР ЭПИТАФИИ В ЛИРИКЕ ФАТИХА КАРИМА 1930-Х ГОДОВ[©]

Вызревание лирики Фатиха Карима пришлось на годы, когда поэты словно сторонились самого этого слова – «лирика». На этот факт указывает Т. Н. Галиуллин в своей книге «Дыхание времени» применимо к стихотворениям Салиха Баттала: «Лишь маленький раздел своего сборника “Стихотворения” (1934) С. Баттал назвал “Лирика”. А в сущности книга целиком состоит из лирических стихотворений. В самом слове “лирика” поэт усматривает интимность, отход от общественных проблем в свой субъективный мир» [1, с. 197].

В такую-то пору в поэзии Карима всё больший вес и звучание обретают исконнейшие поэтические темы и мотивы, продолжая общий вектор её развития в сторону лиризации: «детская» тема, любовная и пейзажная лирика, мотив утраты, смерти. В годы господства вульгарного подхода к литературе и искусству, сводящего само их существование лишь к функции общественно-идеологического служения, когда извечные темы считались пережитком прошлого, атрибутом старобуржуазной, «мещанской»¹ культуры, подобного рода интерес к ним уже может быть оценен нами сегодня как творческая индивидуальность, своеобразие. Впрочем, надо отметить, что активизацией этих тем и мотивов отмечено творчество ряда наиболее видных поэтов того времени: Хасана Туфана, Мусы Джалиля, Сибгата Хакима, Ахмета Файзи, Аделя Кутуя, Кави Наджми и др. Обратимся хотя бы к стихотворениям Джалиля.

Поначалу в его лирике, как и у Фатиха Карима, превалируют «борческие» мотивы, призванные отразить героичность революционных годин, борьбы с мировым империализмом, первых лет становления советской власти, трудовых побед. Этому посвящены многие его стихотворения конца 1920-х – первой половины 1930-х годов: «Дусларым» («Мои друзья»), «Жиңәбез» («Победим»), «Аталар белән балалар» («Отцы и дети») и др. Эти мотивы столь сильны, что «верховодят», казалось бы, даже в таких «личностных» стихотворениях о себе как «Еллар, еллар» («Года, года...»), где лирический герой, обращаясь к прожитым годам, произносит: «Үпкәләм сөзгә! // Мин яшьлекне // Иң күренекле чорда кабызып, // Иң бәхетле илне төзөгәндәге // Кайнар тирем итеп агыздым» [3, с. 129] («Я не в обиде! // Я молодость, // Воспламенив в самое славное время, // Строя самую счастливую страну, // Пролил горячим потом»). В те годы по-другому и быть, наверное, не могло: личное не отделялось от общественного, «профпригодность» человека измерялась его вкладом в дело социалистического строительства.

Но с годами в поэзии поначалу исподволь появляются, затем всё полноправнее заявляют о себе стихотворения, появление которых обусловлено «личными» мотивами, что становится фактом духовной жизни, внутреннего мира отдельной человеческой личности. Мотивированные этим, они неизбежно обретают лирико-психологическое, интимно-сокровенное звучание.

Пожалуй, самыми лиричными, «сердечными» в этом смысле у Мусы Джалиля являются стихотворения, которые можно было бы объединить в своеобразный цикл любви и дружбы. Хотя бы потому, что они названы однотипно – по собственным именам женщин: «Латифе», «Амине», «Мадине», «Хадии», «Муршида». Важным оказывается здесь уже тот факт, что в заглавии выносятся имя реальной женщины, стало быть, в поэтическом «эпицентре» находится Она, лирическая героиня, а стихотворение оборачивается гимном Ей, олицетворяющей собой всё самое прекрасное в мире.

Будто в какой-то момент с глаз поэта спала «идеологическая» пелена, застывшая ему взгляд на истинные ценности жизни, о чём словно ненароком он признаётся в стихотворении «Муршида»: «Яшьлегемне күптән яулык болгап // Мин озаткан идем үземнән, // Яши идем тыныч сөйләрдән, // Яшь кызларның шаян

[©] Сарчин Р. Ш., 2015

¹ «Мещанством» в ту пору клеймили, видимо, всё, что хоть как-то выбивалось из общего ряда, подчёркивало индивидуальность. В стихотворении М. Джалиля «Мещанка» находим тому подтверждение. Лирический герой признаётся в том, что насмеялся, обзывая её «мещанкой», над студенткой Раузой за одно то, что та оделась в красное платье. Читая подобное, лишней раз убеждаешься в правоте расхожего выражения «каковы времена, таковы и нравы».

күзеннән. // Яши идем тыныч йөрәкләрнең // Шашу януларын оныгып. // Яши идем тыныч күземдәге // Сөю яшьләремне корытып» [Там же, с. 127]. Здесь уместно, на наш взгляд, привести поэтический перевод, выполненный Г. Пагиревым: «Молодость свою, махнув платочком, // Проводил я было в некий час // И спокойно жил, любви не зная, // Девичьих не замечая глаз. // Жил и жил, давно не ощущая // Прежнего безумия в крови, // И в моих глазах давно иссякли // Слёзы позабывшейся любви» [2, с. 62]. Конечно, строки «Муршиды» прежде всего обусловлены тоской поэта по невозвратной поре юности, как это у нас бывает с годами, но между строк всё же читается и сожаление о том, насколько пустыми бывают наши устремления к призрачным, ложным целям, ничего общего не имеющим с настоящим счастьем.

Образцы любовной лирики М. Джалиля, такие как «Йсемдә» («Я помню»), «Без аерылдык...» («Мы расстались...»), «Без һаман да шулай керфек аша...» («Мы до сих пор также сквозь ресницы...») и др. по лирической исповедальности, интимности – вплоть до обнажения самых сокровенных сторон любовных отношений – сближаются с любовной лирикой «запретного» тогда Есенина, обвиняемого в «мелкобуржуазном», «мещанском» мелкотемье. В подобных стихотворениях Джалилю даются порой такие поэтические прозрения, которые не просто отражают сложный мир его душевных движений, а словно обнажают «нерв» самой бездушной, античеловечной эпохи сталинских репрессий. В связи с этим не можем не привести финала стихотворения «Хади», написанного между 1936-1939 годами: «Нинди гаебе бар соң тойгыларның? // Ник бикләнгән болай күңелләрдә?» [3, с. 126] (в переводе П. Антокольского: «Кто же виноват, какая сила // Две души держала взаперти?» [2, с. 64]).

У Фатиха Карима, пожалуй, тоже ни одна тема так не связана с выражением самых сокровенных, тайных, интимных сфер человеческой души, как любовная. В лирику Фатиха Карима она, кажется, впервые вошла со стихотворением «Без – жир балалары» («Мы – дети земли»): «Түшендәге чәчәк кебек итеп // Сьендырса мине үзенә, // Сабыйларча йомшак, саф карашлы, // Хыял күле булган күзеннән // Бөркелгән нур эгәр миңа төшсә, // Беләсезме, дуслар, иң башта // Мин тезләнеп жирне үбәр идем, // Аннан карар идем кояшка» [4, с. 25]. Оно столь нежно, проникновенно, так наполнено теплотой человеческого сердца, что остаётся только удивляться, почему у него по сей день не нашлось переводчика. Дадим его построчный перевод: «Если к груди, словно цветок, // Она прижмёт меня, // Если из по-детски ласковых, с невинным взглядом, // Ставших озёрами мечты, глаз // Застроятся на меня лучи, // Знаете, друзья, сначала // Я, встав на колени, поцеловал бы землю, // Потом посмотрел бы на солнце» (*Здесь и далее построчные переводы выполнены нами – С. Р.*)

Трудно сказать, чем биографически было обусловлено появление этих строк. Но то, что они о самом личном, безусловно: в пульсации стиха – «живое» биение сердца их создателя [5]. И явлены они в форме, совсем не характерной для любовной лирики: с обращением к «вы», на весь мир. Но никакой речи о декларативности, свойственной стихотворениям Фатиха Карима о героике пятилеток, здесь нет. А есть вполне естественное, психологически объяснимое желание, которому здравый смысл не указ, сообщить всему миру о своей любви, поделиться с ним своим счастьем – тем, что любишь и любим, тем, что живёшь. И живёшь на Земле – такой прекрасной, когда ты счастлив. Не в этом ли главенствующий пафос стихотворения, выраженный по-детски наивно и оттого так естественно в его финальных строках, где поэт соединяет земное и небесное, становясь в позу молящегося (*тезләнеп = стоя на коленях*), творя «молитву» во имя любви? На наш взгляд, такая интерпретация стихотворения поэта, рождённого в семье муллы, вполне жизнеспособна, и в этом смысле может отчасти восприниматься и как память о своих корнях, которая, вопреки требованиям времени, когда «сын за отца не отвечает» (А. Т. Твардовский), продолжала теплиться в самых потаённых уголках души. Но и без такого понимания стихотворения оно ведёт за границы любовной лирики, становясь, при всей своей непритязательности, одним из образцов философской поэзии Карима, воспевающим жизнь и любовь – как её основу и высшую ценность.

Такое понимание любви, думается, привело к тому, что одна из вершин поэзии Фатиха Карима 1930-х годов как раз связана с любовной лирикой. Речь о стихотворении «Йке дус (жыр)» («Два друга (песня)»), сюжет которого несколько даже банален: два друга влюблены в одну и ту же девушку и с нетерпением ожидают, кого же она выберет. Но достоинство произведения не в сюжете, а в том, с какой песенной живостью, самоиронией, лирической задушевностью и непосредственностью поведана от лица лирического героя эта история. Читается текст легко, и за этой лёгкостью – мастерство поэта.

Особое место в лирике Фатиха Карима 1930-х годов занимают стихотворения-эпитафии, которые по своей тематической однородности могли бы составить особый цикл об утрате близких по «духу» и «крови» людей. Одно из них – «Онттылмасың, иптәш», написание которого было связано со смертью близкого творчески и дружески татарского поэта-романтика Хади Такташа. Здесь чуть ни впервые в лирике поэта обозначается своеобразный конфликт между возвышенно-отвлечённым, «на злобу дня» – и «своим», внутренним, которое, как у Маяковского, «наступившего на горло собственной песне» («Во весь голос»), поначалу всячески подавлялось, глушилось, поскольку эпоха, когда жили и творили оба поэта, была временем масс, а не отдельной личности. В конце стихотворения как финал звучат слова, которые составят в дальнейшем ключевые смысломотивы зрелой лирики поэта периода тюрем-ссылок и войны: «Тирән сагыну белән йөрәкләрдә // Онытылмасың булып каласың!» [4, с. 238] («Глубокой тоской в сердцах // Останешься незабвенным»). Это тоска (печаль), сердечность-сокровенность-исповедальность и память о самом дорогом, которые в своём синтезе составляют главное свойство, своеобразие лучших стихотворений Фатиха Карима.

Стихотворение 1932 года «Сүнгән вулкан» («Погасший вулкан») в полном смысле слова эпитафией не назовёшь, поскольку написано ещё о живом человеке – поэте Ярлы Кариме, но по жанровой сути таковым является, поскольку адресат, потерявший здравый рассудок и оказавшийся в психлечебнице, *выбыл* из ряда борцов

«новой» жизни. Личный характер драмы родного старшего брата придал поэтический речи глубочайший лиризм. Каждая строка проникнута страданием, поднимающим лирику Фатиха Карима на новую поэтическую высоту. Неподдельная боль заключена в портрете персонажа, сравниваемого с истомившимся в клетке львом: «Утыз яшлек кеше – // кара сакал // Күкрәгенә төшкән таралып, // Кымышанмый да, // баскан тора, // Сүнгән вулкан кебек каралып» [Там же, с. 258] («Тридцатилетний человек, // чёрная борода, // Покрыла его грудь, // Стоит недвижно, // Почернев, как погасший вулкан»). Столь же проникновенно-лиричен психологический портрет автора, уместно зачинающий стихотворение: «Больница ишеге. // Каным сулгып китә. // Көтәм, // көтәм мин аны. // Башым салкын, // кичәгедәй // Үзенә жыймый бөтен дөнъяны» [Там же, с. 257] («Дверь больницы. // Кровь застывает. // Жду, // жду я его. // Голова холодная, // со вчерашнего дня // Не может вместить мир»). В подобного рода строках, оплаченных собственной болью и страданием близких, не только оттачивалось умение поэта в выражении человеческих переживаний, а вызревала главная «струна» поэзии Фатиха Карима – гуманизм, человеколюбие, – звучащая на протяжении всего его творчества неизбывной тоской по человеку, болью по нему.

Такой болью, что до слёз. Мотив плача формирует эмоциональный пафос стихотворения «Иптәш Киров» («Товарищ Киров»), создание которого при первой публикации в сборнике «Таныш бу күзлә» («Знакомые эти глаза») было отмечено точной датой – 5 декабря 1934 года. Точностью даты поэт словно увековечивал одну из самых тяжёлых утрат в его жизни. В наше время, наверное, может показаться несколько странным, что смерть государственного деятеля, с которым ты не был лично и близко знаком, может вызвать слёзы. Впрочем, это из области личного. Но мысль о том, что поэт, живший к тому же в эпоху, когда многие ощущали себя как часть, если можно сказать, «всеобщей общности», хоть на йоту покривил душой, при чтении следующих строк как-то не возникает: «Керфекләргә кунган яшь аркылы // Текәлгәнбездә бөек иптәшкә...» [Там же, с. 281] («Сквозь слёзы на ресницах // Не отрываем взгляда от великого товарища...»).

Стихотворение «Югалту» («Утрата») написано в связи со смертью видной исторической личности, официально «первого» литератора страны Максима Горького. Горечь потери здесь усиливается тем обстоятельством, что Горький был для Фатиха Карима настоящим маяком в литературе. На него молодой татарский автор равнялся в своей прозе, очень ценил его. Известно, что он написал о своём кумире стихотворение – в связи с приездом того в Казань в 1928 году. Много в своих литературно-критических статьях упоминал о нём. Видимо, этой любовью, чувством литературного соратничества обусловлено заглавие произведения, названного в переводе на русский «Утратой»: смерть Горького, действительно, воспринималась Фатихом Каримом как одна из самых его горестных утрат.

Подводя итоги анализа стихотворений о любви и стихотворений-эпитафий в лирике Фатиха Карима 1930-х годов, отметим, что в произведениях этих «биографически-личностно» обусловленных тематических групп его талант всё более настраивался на восприятие, улавливание самых потаённых сигналов души, приводя к появлению в его поэзии строк, которые в свете его личной судьбы и судьбы народа начинают звучать как некое предощущение великих потрясений, ожидаемых в недалёком будущем, где ожидается много боли, смертей и слёз, преодолеть которые возможно только истинным человеколюбием, состраданием. Об этом, по большому счёту, его стихотворения о любви и о близких.

Список литературы

1. Галиуллин Т. Н. Дыхание времени (вопросы становления и развития социалистического реализма в татарской советской поэзии до 1941 года). Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 304 с.
2. Джалиль М. Избранное: стихи и поэмы. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 271 с.
3. Джалиль М. Избранные произведения. Воспоминания о поэте. Казань: ТаРИХ, 2004. 575 с.
4. Карим Ф. Произведения: в 3-х т. Казань: Татарское книжное издательство, 1979-1981. Т. 1. 320 с.
5. Сарчин Р. Ш. «Поэтические» истоки творчества Фатиха Карима [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. Современные научные исследования. Вып. 2. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54266.htm> (дата обращения: 17.12.2014).

POEMS ABOUT LOVE AND GENRE OF EPITAPHS IN LYRICS OF FATIH KARIM IN THE 1930S

Sarchin Ramil' Shavketovich, Ph. D. in Philology
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan
rsarchin@yandex.ru

The article is devoted to the study of poems about love and epitaphs in the lyrics of Fatih Karim in the 1930s. The works of the author, devoted to the themes of love and death, are one of the most lyrical pages of his poetry of the 1930s. These poems, as the poems about children and for children, are connected to the most mature creative achievements of these years, representing not only the literary and aesthetic findings of the creator, but his innermost thoughts and feelings.

Key words and phrases: the Tatar poetry; lyrics; lyricism of poetry; creative individuality; love poems; epitaph.